

IRINA SMIRNOVA / ИРИНА СМИРНОВА
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4450-6885>
Institute of Russian History RAS

ДУХОВНЫЕ МИССИИ РОССИИ В ЯПОНИИ И ИЕРУСАЛИМЕ: ГРАНИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ¹

The Ecclesiastical Missions of Russia in Japan and Jerusalem: The Edges of Convergence

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русские Духовные Миссии, Министерство иностранных дел, Святейший Синод, святитель Николай Японский, архимандрит Антонин (Капустин)

KEYWORDS: Russian Ecclesiastical Missions, Ministry of Foreign Affairs, Holy Synod, Saint Nicholas of Japan, Archimandrite Antonin (Kapustin)

АБСТРАКТ: Based on new archival materials, the article reconstructs the picture of the Russian Church presence in Japan and the Holy Land at the end of the 1870s and early 1880s. This was a key period in the fate of the Japan and Jerusalem Russian Ecclesiastical Missions, when both Missions suffered crises that brought them to the verge of closure. The author considers the characteristic features and general patterns of the Russian Ecclesiastical presence abroad in the context of interfaith competition and inter-agency contradictions. The article reveals the reasons that hindered the effective work of Russian Church representatives abroad and pays special attention to the political importance of the Japan and Jerusalem REM.

Истории русского церковного присутствия за рубежом в последние годы уделяется большое внимание, что связано с пристальным интересом исследователей к процессам распространения российского политического и духовного влияния в Северо-Тихоокеанском регионе, в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, особенно интенсивно протекавшим на протяжении XIX в. (Августин 1993; Климент 2009; 2014; Лисовой 2009; Шубина 1998; Александров 2006). На фоне обширной историографии по истории отдельных Русских Духовных Миссий, исследований, посвященных развитию православного миссионерства как неотъемлемой составляющей российской внешней политики относительно немного (Якушев 2003; Лисовой 2006; Лисовой/Смирнова 2009; Шубина 2010; Климент 2010; Vinkovetsky 2011; Vovchenko 2013; Смирнова 2016), при этом практически отсутствуют работы, в которых исследовалось

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 19-09-41010.

бы взаимодействие и взаимовлияние Русских Духовных Миссий в Русской Америке, Китае, Святой Земле и других регионах (Бесстремьяная 2007; Смирнова 2016; Шилов 2018). Между тем, изучение деятельности этих миссий, которая в середине XIX в. координировалась Министерством иностранных дел при участии Святейшего Правительствующего Синода и целого ряда других министерств и ведомств, свидетельствует о наличии между ними тесных связей. Не в меньшей степени это относилось и к Духовным Миссиям, учрежденным во 2-й половине XIX в. – Японской (1870), Корейской (1897) и Урмийской (1898).

В настоящей статье на впервые вводимых в научный оборот архивных материалах рассматриваются характерные особенности русского духовного присутствия в Японии и Святой Земле в кон. 1870-х – нач. 1880-х гг., в которых отразились общие проблемы и тенденции развития Японской и Иерусалимской Духовных Миссий.

Русская Духовная Миссия в Японии была четвертой по счету российской духовной миссией, учрежденной российским правительством за рубежом (после Пекинской (1713), Американской (1799), Иерусалимской (1847)). Статус этих церковных представительств России и Русской Церкви мог отличаться, в зависимости от специфики региона, характера международных отношений, особенностей русского присутствия, политического, экономического, культурного, от чисто миссионерского (Северная Америка или Япония) до чисто дипломатического (как это было в Пекине до 1860 г.).

Так, Русская Духовная Миссия в Иерусалиме действовала в пределах Сирии и Палестины, на которые распространялась юрисдикция Иерусалимского и Антиохийского Патриархатов с их преимущественно арабской православной паствой. В этом случае Русская Духовная Миссия в Иерусалиме выполняла функции представительства Всероссийского Святейшего Синода при Иерусалимском Патриархе. Иная ситуация была в Японии и в Северной Америке, где деятельность православных миссионеров носила собственно миссионерский характер в его традиционном понимании. При этом Русские Духовные Миссии имели определенные точки соприкосновения. Так, например, хорошо известна роль архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского Иннокентия (Вениаминова) в развитии миссионерства в Китае и Японии (Барсуков 1997; Николай 2004; Кульгин 2009; Смирнова 2017); члены Японской Духовной Миссии широко использовали наработки РДМ в Пекине в области синологии (Шилов 2018), а инструкции для Пекинской Духовной Миссии при ее реформировании в 1860-1864 гг. были составлены с учетом опыта РДМ в Иерусалиме.

Неизвестные письма святителя Николая Японского к начальнику РДМ в Иерусалиме архимандриту Антонину (Капустину), недавно обнаруженные автором в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины, а также

дневниковые записи этих выдающихся церковных дипломатов свидетельствуют о существовании тесных связей между Миссиями Японской и Иерусалимской, несмотря на их специфику и удаленность друг от друга. Прежде всего это проявилось во взаимных отношениях начальников Миссий, которые отличались взаимным уважением, возникшим уже при первом знакомстве, когда в 1870 г. архимандрит Николай, начальник новосозданной Японской Духовной Миссии, посетил Иерусалим на обратном пути из России в Японию, впервые используя морской путь через только что открытый Суэцкий канал.

Кроме того, несмотря на существенные отличия, Японская и Иерусалимская Миссии имели схожие проблемы и общие закономерности развития. Святитель Николай писал к отцу Антонину:

Нам всегда, мне думается, найдется кое-что сообщить друг другу, кое о чем поговориться (т. е. мне собственно попросить Ваших советов, п[отому] ч[то] мне никогда не сделаться таким опытным, как Вы), кое о чем вместе порадоваться или иногда посетовать (Николай 1880, л. 1об.).

В том же письме архимандрит Николай отмечал, что все происходившее в Иерусалиме – отношения между РДМ и консульством, Миссией и Иерусалимской Патриархией, иерусалимской греческой иерархией при Святом Гробе (так называемым Святогробским братством) и ее православной арабской паствой – является «жгучими вопросами для всякого заграничного миссионера, далеко он или близко от Иерусалима» (Николай 1880, л. 2).

Анализ документов, относящихся к истории Миссий в этот период, позволяет выявить некоторые черты, характерные для русского церковного присутствия в Японии и Иерусалиме.

Иерусалимская Миссия была учреждена в 1847 г. по инициативе Министерства иностранных дел. Ее члены были приписаны к МИДу, содержание получали от МИДа, и Миссия, являясь единственным представительством России в Иерусалиме, фактически выполняла функции церковно-дипломатического учреждения, аналогично Русской Духовной Миссии в Пекине. Однако после открытия в 1858 г. в Иерусалиме русского консульства и в связи с возникшими впоследствии сложностями в межведомственных отношениях, Миссия, в соответствии с инструкцией 1863 г. о ее реорганизации, перешла «в исключительное ведение Главного Российского Духовного Начальства» (Отношение 1865, л. 14), то есть под полное управление Св. Синода.

При этом, если для Св. Синода и членов Иерусалимской Миссии она являлась церковным представительством России при Иерусалимском Патриархате, то сотрудники дипломатического ведомства отрицали этот факт, утверждая, что «начальник Духовной Миссии не имеет характера представителя Русской Церкви в Иерусалиме» (там же, л. 17.), а единственным официальным пред-

ставителем России в Иерусалиме является российский консул. Расхождения в понимании задач и функций Духовной Миссии в Святой Земле служили почвой для постоянных трений и даже серьезных конфликтов между представителями двух ведомств.

При учреждении в 1870 г. Русской Духовной Миссии в Японии перед ней, как говорилось выше, были поставлены прежде всего миссионерские задачи: ее деятельность осуществлялась среди нехристианского населения в государстве, лишь в 1858 г. открытом для иностранных держав после длительного периода политической самоизоляции (сакоку). Основой для инструкции Японской Духовной Миссии послужила инструкция штатов консульства и Миссии при преобразовании Пекинской РДМ в 1860-1864 гг. (Смирнова 2018), при составлении которой был учтен иерусалимский опыт, то есть было принято во внимание межведомственное соперничество русских представительств в Иерусалиме, дипломатического и церковного.

Первоначально первый пункт проекта инструкции, составленный начальником РДМ в Японии архимандритом Николаем (Касаткиным), гласил, что Духовная Миссия «состоит в полном заведывании и распоряжении Святейшего Синода» (§ 1) (Николай 2018, 133). Однако позже в него была внесена новая, отредактированная Министерством иностранных дел, формулировка: «Духовная миссия, [...] учрежденная правительством [...] будет состоять под покровительством русского представителя в Японии» (там же). После иерусалимских неурядиц в МИДе строго старались соблюдать приоритет дипломатического учреждения над духовным, что отразилось уже в положениях пекинской инструкции 1864 г., утвержденной Государственным Советом для Пекинской РДМ с целью четкого разделения функций русских учреждений в Пекине на политические и духовные. В частности, положения о подчиненности начальника РДМ консулу в политическом отношении (§ 36) (Инструкция 1863, л. 151-152) практически дословно были перенесены в инструкцию штатов Японской Духовной Миссии, окончательно утвержденную 14 мая 1871 г.

Также из инструкции Пекинской РДМ в «японскую» инструкцию был перенесен параграф, предписывавший начальнику Духовной Миссии, в ситуациях, касавшихся политических отношений России и Японии, «обращаться к начальнику дипломатической миссии, как единственному представителю русских интересов, имеющему ближайшие сношения с японским правительством» (§ 32) (Николай 2018, 140). Ему предписывалось «не начинать ничего, выходящего из границ ее назначения», а в случае опасности и волнений «обращаться к защите и покровительству г. генерального консула, как законного покровителя российских подданных» и оказывать ему, со своей стороны, «возможное содействие и услуги, по желанию г. генерального консула, в духе миролюбия и приязни» (там же, 141). Тем самым, согласно инструкции МИД,

начальник Духовной Миссии был полностью устранен от участия в каких бы то ни было делах в Японии, помимо духовных, и не взирая на сан архимандрита или епископа, оказывался фактически в подчинении представителя дипломатического ведомства.

Таким образом, положение Русской Духовной Миссии во многом определялось взаимоотношениями ее начальника и консула, на которые в свою очередь влияли такие факторы как сословная и ведомственная принадлежность, личные взгляды и приоритеты. И если для Иерусалимской Миссии на протяжении всего ее существования вопрос межведомственного взаимодействия светских и церковных структур в Иерусалиме стоял крайне остро и был камнем преткновения для развития русского присутствия из-за постоянного их противостояния, то для представителей тех же учреждений в Японии подобной проблемы не существовало, чем во многом и был обусловлен успех православного миссионерства в Японии.

Другой характерной чертой Японской и Иерусалимской Миссий (как, впрочем, и других Русских Духовных Миссий за рубежом) было то, что их деятельность осуществлялась в окружении инославных миссионеров, численно значительно превосходивших православных и преследовавших грандиозные религиозные и политические цели. Так, если в начале 1850-х гг. в Святой Земле Латинский Патриарх Джузеппе Валерга ставил перед католическими миссионерами цель «сделать Иерусалим латинским» (Аничкова 1906, 354), то к концу столетия речь шла уже не только о Святом Граде, но о Ближнем Востоке в целом – «духовное завоевание Востока», по мнению стратегов миссионерской политики Ватикана, «составляло предприятие более обширное и прекрасное, чем древние крестовые походы» (Безобразов 1909, 405). Аналогичная политика проводилась католиками и на Дальнем Востоке. Так французские миссионеры в Китае своей главной целью называли «обращение в католицизм самого богдыхана» (Игнатъев 1895, 290).

Великобритания в целях усиления своего влияния как в Святой Земле, так и на Дальнем Востоке (и в других регионах тоже) уже в начале 1840-х гг. взяла курс на «создание английской нации посредством перемены религии жителей» (Барталь 1998, 41).

Аналогичная картина наблюдалась и в Японии. Начальник Русской Духовной Миссии архимандрит Николай (Касаткин) в статье «Япония и Россия», изданной в ноябре 1879 г. в журнале «Древняя и новая Россия», отмечал, что католические и протестантские миссии, основанные более двадцати лет назад, насчитывают «сотни миссионеров и миссионерок и неистощимые материальные средства» (Николай 1879, 238). С его слов редактор журнала и заказчик статьи Петр Андреевич Гильтебрандт писал, что едва «христианству открылся широкий доступ в Японию», как в ряде пунктах открылись постоянные католические и протестантские миссии, которые «превосходно

обеспечены, имеют по несколько епископов, роскошные и просторные храмы» (Гильтебрандт 1879, 217). Таким образом, римско-католическое и протестантское миссионерство служило эффективным инструментом политического проникновения западных держав.

В таких обстоятельствах православные туземцы, будь то арабы Иерусалимского Патриархата или японцы, обращенные в православие святителем Николаем и его миссионерами, нуждались в защите от прозелитизма, которую могли обеспечить лишь Духовные Миссии Православной России. Вопреки упорному стремлению российских консулов в Иерусалиме убедить руководство МИД и правительство в том, что не существует никакой надобности в присутствии Русской Духовной Миссии в Святом Граде, где защита православных является прерогативой Иерусалимского Патриархата, архимандрит Антонин пытался донести до сведения Петербурга, что «там нужна (и не одна) миссия-антипропаганда», что членам Иерусалимской Миссии предстоит служение «не только миссионерское, но и прямо апостольское» и что задача их заключается не только в том, чтобы «охранить человека от совращения, но и побороть соврачителя, уничтожить все его дело» (Лисовой 2017, 462). Противодействие инославной пропаганде начальник Иерусалимской Миссии архимандрит Антонин называл одной из главных обязанностей Миссии.

Об успехах Русской Духовной Миссии в Японии свидетельствует тот факт, что в 1879 г. имел место массовый переход японцев из англиканства в православие. Как сообщал Гильтебрандт (безусловно, со слов святителя Николая Японского), («недавно 116 человек японцев покинули англиканское исповедание и присоединились к православию» (Гильтебрандт 1879, 217)). Всего же в Японии к концу 1870-х гг. усилиями святителя Николая и его помощников было обращено в православие около 6000 человек (там же).

Западные миссионеры реагировали на присутствие Русских Духовных Миссий весьма болезненно. В Японии их отношение, к Миссии святителя Николая, по словам Гильтебрандта, было «разумеется, недоброжелательным», особенно со стороны католиков и англичан, которые «называли православную веру “Фотиевой ересью”». В британских газетах, издаваемых в Японии, «систематически и ежедневно» публиковались клеветнические заметки в адрес русских. Для того, «чтобы запугать японское правительство, англичане сильно преувеличивали число православных, насчитывая их в одном Токио, в столице, 20000 человек (на самом деле только 1000)» (там же).

Аналогичные меры применялись западными миссионерами и в Святой Земле. По свидетельству архимандрита Антонина, «в печатных органах того и другого “дела Святой Земли” (протестантского и католического. – И. С.) не редкость встретить самые озлобленные выходки против водворения нас, русских, вообще в Палестине и, в частности, против действий нашей Миссии».

Антонин объясняет это тем, что «боящиеся за свое неправое дело пропагандисты папства и протестантства сознают, что перед ними стоит сила, которая если и весьма слабо обнаруживает себя, все же грозит [им] при случае большою опасностью», так как «один слух и одна мысль о том, что есть на Востоке Русская Миссия, дают знать охотникам до афер с человеческою совестью, что за ними наблюдают и что та или другая проделка их может быть известна вдруг всему свету» (Лисовой 2017, 462).

Мнение архимандрита Антонина в отношении важности русского духовного присутствия разделяли и некоторые авторитетные лица, обладавшие дальновидным государственным умом. Так, граф Е. В. Путятин и митрополит Московский Филарет неоднократно заявляли о том, что Русские Духовные Миссии служили необходимым звеном церковно-дипломатической работы за рубежом, хотя в инструкциях и было строго оговорено, что они «должны устраняться от политического или дипломатического вмешательства» (Николай 2018, 140).

В частности, святитель Николай Японский упоминал в своем дневнике о том, что Гильтебрандт заказал ему написать статью «о политической важности Миссии в Японии» и обещал свою помощь (Николай 2004, 82). И действительно, в предисловии к статье святителя Гильтебрандт называл «христианское просвещение Японии» «великим делом», которое «имеет для России еще и политическое значение» (Гильтебрандт 1879, 211). Отмечая особенную активность англосаксонских миссий, он писал: «Будущее нашего Тихо-Океанского побережья много зависит от дружеских связей с Японией, и для нас не может быть безразлично» (там же).

Гильтебрандт напрямую подчеркивал тесную связь русского духовного присутствия в Японии и укрепления российских позиций на Дальнем Востоке как залог противодействия британскому проникновению в регион:

Успех наш в Японии, а равно и на нашем Тихо-Океанском побережье (разумею – необходимость основания военного порта во Владивостоке и постоянного пребывания там самостоятельной Тихо-Океанской эскадры) окажет превосходное дисциплинирующее влияние на Англию (там же, 217).

Чтобы помочь святителю Николаю в деле проповеди и поддержать Японскую Духовную Миссию, Гильтебрандт стремился привлечь внимание влиятельных правительственных и финансовых кругов Петербурга к положению православия в Японии, убеждая, что деятельность Миссии напрямую касается «высших государственных интересов, интересов будущего, и в будущем не замедлит воздать сторицей как в области чисто-духовной, так и политической» (там же).

О том же прямым текстом говорится в статье самого святителя Николая: «Духовная миссия, преследующая и обязанная преследовать только духовные, а никак не мирские цели, имеет, тем не менее, и важное политическое значение». Пресвященный Николай считал большим благом для Японии принятие православия – «это несомненно закрепит самую прочную связь между двумя народами, и даст им возможность многие и многие века идти рука об руку во взаимной дружбе, всегда взаимно помогая и охраняя друг друга» (Николай 1879, 229).

Аналогичные аргументы приводились и в пользу Иерусалимской Миссии, когда в 1878 г. был поднят вопрос об ее отозвании из Иерусалима. В защиту Миссии выступили видные государственные деятели, подчеркивая политическую важность духовного представительства в Святой Земле. Отмечая усилившуюся там «католическую и протестантскую пропаганду, стремящуюся всеми способами отвлечь туземное население от православия и от России», К. П. Победоносцев писал в Министерство иностранных дел в ноябре 1878 г.:

Русское влияние на Востоке зависит преимущественно от духовной нашей связи по вере с местным населением, и потому дело здравой политики – дорожить всем тем, что способствует к укреплению этой связи, а Русская Миссия в Иерусалиме, бесспорно, этому способствует (Лисовой 2017, 448-449).

Как отмечал будущий обер-прокурор Св. Синода, это было особенно важно, «ввиду усилившейся в тех местах католической и протестантской пропаганды, стремящейся всеми способами отвлечь туземное население от Восточной Церкви и от России» (там же, 449).

Разумеется, русское церковное присутствие оставалось исключительно духовным или миссионерским, без какого-либо вмешательства в политику. Речь идет о неизбежном присутствии – в самом факте существования таких институтов как Русские Духовные Миссии, будь то в Японии, Святой Земле, Китае или в любом другом регионе, – политической составляющей. И этот феномен был присущ всей системе международных отношений XIX в.

Не может не удивлять тот факт, что вопрос о политическом значении как Иерусалимской, так и Японской Миссий возник фактически синхронно – в сентябре 1879 г. Гильтебрандт заказывает «политическую» статью Николаю Японскому, и одновременно идет активная переписка о необходимости сохранения Иерусалимской РДМ ввиду ее политической значимости для русского влияния на Православном Востоке. Период с 1878 по 1880 год стал для обеих Миссий временем испытаний, когда они практически одновременно оказались в кризисной ситуации, угрожавшей их закрытием.

Из-за общего ослабления России в связи с Русско-турецкой войной 1877/78 гг. и отсутствия необходимого финансирования Японской Миссии грозила пер-

спектива прекращения проповеди, закрытия училищ, роспуска учеников и проповедников, неопределенность будущей судьбы Миссии (Николай 2018, 343). Возникла огромная задолженность в японском банке. Святителя Николая (тогда еще в сане архимандрита) мучил вопрос о дальнейшей судьбе Миссии («что меня ожидает, – писал он митрополиту Исидору, – и что ожидает Японскую Миссию и Церковь?» (там же, 351).

В то же самое время, в конце 1878 г., из-за очередного конфликта между начальником РДМ архимандритом Антонином (Капустиным) и российским консулом в Иерусалиме Н. А. Иларионовым, встал вопрос о закрытии Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Одной из причин так называемого «дела архимандрита Антонина» было недовольство консула независимым положением Миссии. Иларионов утверждал, что в Иерусалиме так называемая «Миссия» не является и не может быть «миссионерской», что она не способна противодействовать инославному прозелитизму среди православных в Палестине. Но главное, консула не устраивало, что он не имел возможности осуществлять контроль над недвижимой собственностью Миссии, приобретенной отцом Антонином в Святой Земле на частные пожертвования. В результате Иларионов предложил закрыть Миссию, оставив взамен лишь церковь при консульстве.

Решающее значение имел и финансовый вопрос – ни МИД, ни Синод не хотели взять на себя материальное обеспечение Иерусалимской Миссии, как о том сообщал архимандриту Антонину настоятель посольской церкви в Константинополе архимандрит Смарагд (Троицкий): «Между Св. Синодом и Министерством [иностраннных дел] идет, изволите видеть, спор о том, кому содержать Миссию: Синод отказывается, упирается и Министерство» (Смарагд 1879, л. 5). В результате проект Иларионова был поддержан послом в Константинополе и управляющим Палестинской Комиссией, которые предложили – «для правильного течения дела» – «усилить влияние консульства» с переименованием его в генеральное консульство и подчинив ему церковь при консульстве. 13 марта 1880 г. предложения о закрытии Иерусалимской Миссии «удостоились Высочайшего одобрения» (Лисовой 2017, 442-443).

И тем не менее борьба за сохранение РДМ в Иерусалиме продолжалась. Ее главными деятелями стали В. Н. Хитрово, граф Е. В. Путятин, архимандрит Антонин (Капустин). Из письма Хитрово известно об участии в судьбе миссии императрицы Марии Александровны, цесаревича, великого князя Константина Николаевича (там же, 458). Руководствуясь письмом адмирала Путятина, Константин Николаевич информировал Министерство иностранных дел о своем «горячем желании, чтобы наши действия были проникнуты любовью к православным заведениям в стране иноверной и заботливостью о их благоустройении» (там же, 443). Речь шла о русских владениях в Палести-

не, многие из которых находились под личным управлением архимандрита Антонина.

Вопрос о предполагавшемся закрытии Миссии был доведен до сведения императрицы. В одном из писем к императрице Путятин прямо писал, что вопрос об удалении Духовной Миссии из Иерусалима продиктован «нашей дипломатией, к сожалению, мало принимающей во внимание важность религиозных вопросов» (там же, 446-447). Адмирал характеризовал архимандрита Антонина как человека выдающихся нравственных и дипломатических качеств, доказывая, что при его отозвании крайне тяжело будет найти ему достойную замену, что «разрушительно подействует на окончательное устройство поклоннических приютов в Палестине» (там же, 447).

Понимая, что Мария Александровна, как постоянная благодетельница Иерусалимской Духовной Миссии и русских учреждений, является последней надеждой сторонников сохранения русского присутствия в Святой Земле и оставления отца Антонина в Иерусалиме, граф Путятин писал тяжело больной императрице, что лишь от «ее воззрения будет зависеть то, какое направление примет духовное благоустройство в Святой Земле» (там же). И надежда эта оправдала себя в полной мере. В 1880 г. вопрос о сохранении Иерусалимской Миссии был окончательно решен. Как отмечал В. Н. Хитрово, «низведение Русской Духовной Миссии в Иерусалиме на степень домового священника при русском консуле не удалось лишь случайно, благодаря заступничеству умирающей тогда покойной государыни императрицы» (там же, 474).

Усилиями сохраненной Русской Духовной Миссии и учрежденного в 1882 г. Императорского Православного Палестинского Общества, после тягостного периода межведомственных «притирок» и нестроений, в Сирии и Палестине расширяется инфраструктура паломнических и благотворительных учреждений, известных под названием «Русская Палестина», широко развернулась образовательная деятельность школ ИППО.

В 1880 г. получила новый импульс развития и Духовная Миссия в Японии. Начальник Японской Духовной Миссии архимандрит Николай (Касаткин) был возведен в сан епископа и продолжил деятельность по созданию Японской Православной Церкви. Наметились положительные сдвиги и в Китае, где с назначением в 1883 г. архимандрита Амфилохия (Лутовинова) после долгого периода миссионерской пассивности дело православной проповеди получило новое развитие, а в 1902 г. начальник Российской духовной миссии в Пекине Иннокентий (Фигуровский) был возведен в сан епископа. В конце 1890-х гг., несколько позже остальных, были учреждены Корейская Духовная Миссия (1897), вопрос об открытии которой был поставлен святителем Николаем Японским в 1890 г. (Николай 1890, л. 140), и Урмийская Духовная Миссия (1898), деятельность которой распространялась на Персию и Закавказье.

Таким образом, несмотря на отставание России от других держав в миссионерской политике (Японская Духовная Миссия, как писал Гильтебрандт, «основана здесь с 1870 года, то есть позднее всех, так как мы, россияне, по обыкновению везде и всегда опаздываем» (Гильтебрандт 1879, 217)), несмотря на отсутствие необходимой поддержки со стороны российского правительства («Это важное дело не обращает на себя достодолжного внимания со стороны Русского государства и общества» (там же)), не взирая на сложности и недостатки в деле межведомственного сотрудничества между Министерством иностранных дел и Св. Синодом, консульствами и Миссиями, итоги миссионерской политики России за рубежом к началу XX в. позволяли говорить о формировании в лице Русских Духовных Миссий важных форпостов для сдерживания наступательной конфессиональной активности великих держав, использовавших религиозные каналы в целях достижения политического влияния в пограничных с Россией регионах.

Библиография

- Августин (Никитин), архимандрит (1993), СПбДА и Российская Духовная Миссия в Пекине: Архимандрит Гурий (Карпов), 1814-1882. В: Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. Санкт-Петербург, 37-47. [Avgustin (Nikitin), arhimandrit (1993), SPBDA i Rossiyskaya Dukhovnaya Missiya v Pekine: Arkhimandrit Guriy (Karpov), 1814-1882. In: Pravoslaviye na Dal'nem Vostoke: 275-letiyе Rossiyskoy Dukhovnoy Missii v Kitaye. Sankt-Peterburg, 37-47.]
- АЛЕКСАНДРОВ, Б. Г. (ред.) (2006), Бэй-гуань: краткая история Российской Духовной Миссии в Китае [Пекин, 1916]. Москва/Санкт-Петербург. [Aleksandrov, B. G. (ed.) (2006), Bey-guan': kratkaya istoriya Rossiyskoy Dukhovnoy Missii v Kitaye [Pekin, 1916]. Moskva/Sankt-Peterburg.]
- АНИЧКОВА, В. Н. (1906), Французские католические миссии на Востоке. II. Палестина. В: Сообщения ИППО. XVII/3, 352-362. [Anichkova, V. N. (1906), Frantsuzskkiye katolicheskkiye missii na Vostoke. II. Palestina. In: Soobshcheniya IPPO. XVII/3, 352-362.]
- БАРСУКОВ, И. П. (1997), Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. Москва. [Barsukov, I. P. (1997), Innokentiy, mitropolit Moskovskiy i Kolomenskiy po yego sochineniyam, pis'mam i rasskazam sovremennikov. Moskva.]
- БАРТАЛЬ, И. (1998), Иерусалим в веках. Иерусалим. [Bartal', I. (1998), Iyerusalim v vekakh. Iyerusalim.]
- БЕЗОБРАЗОВ, П. В. (1909), Инославная пропаганда в Палестине и Сирии. В: Сообщения ИППО. XX/3, 405-431. [Bezobrazov, P. V. (1909), Inoslavnaya propaganda v Palestine i Sirii. In: Soobshcheniya IPPO. XX/3, 405-431.]
- БЕССТРЕМЯННАЯ, Г. Е. (2007), Из Японии в Иерусалим. В: Альфа и Омега. 1 (48), 319-340. [Besstremyannaya, G. Ye. (2007), Iz Yaponii v Iyerusalim. In: Al'fa i Omega. 1 (48), 319-340.]
- ГИЛЬТЕБРАНДТ, П. А. (1879), Предисловие к статье архимандрита Николая (Касаткина) «Япония и Россия». В: Древняя и новая Россия, XI. Санкт-Петербург, 211-217. [Gil'tebrandt, P. A. (1879), Predisloviye k stat'ye arhimandrita Nikolaya (Kasatkina) «Yaponiya i Rossiya». In: Drevnyaya i novaya Rossiya, XI. Sankt-Petersburg, 211-217.]
- ИГНАТЬЕВ, Н. П. (1895), Отчетная записка, поданная в Азиатский департамент генерал-адъютантом Н. П. Игнатьевым о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае в 1860 г. Санкт-Петербург. [Ignat'yev, N. P. (1895), Otchetnaya zapiska, podannaya v Aziatskiy

- departament general-ad'yutantom N. P. Ignat'yevym o diplomaticheskikh snosheniyyakh yego vo vremya prebyvaniya v Kitaye v 1860 g. Sankt-Peterburg.]
- Инструкция (1863) Инструкция РДМ в Пекине. В: РГИА. Ф. 797. Оп. 34. Отделение II. Стол 3. Ед. хр. 77. Л. 140-154. [Instruktsiya (1863), Instruktsiya RDM v Pekine. In: RGIA. F. 797. Op. 34. Otdeleniye II. Stol 3. Yed. khr. 77. L. 140-154.]
- КЛИМЕНТ (Капалин), митрополит (2009), Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года. Москва. [Kliment (Kapalin), mitropolit (2009), Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' na Alyaske do 1917 goda. Moskva.]
- КЛИМЕНТ (Капалин), митрополит (2010), О причинах конфликта первых миссионеров на Аляске и администрации Российско-Американской компании. В: Вестник Поморского университета. 2, 17-21. [Kliment (Kapalin), mitropolit (2010), O prichinakh konflikta pervykh missionerov na Alyaske i administratsii Rossiysko-Amerikanskoy kompanii. In: Vestnik Pomorskogo universiteta. 2, 17-21.]
- КЛИМЕНТ (Капалин), митрополит (2014), Православие на Аляске: ретроспектива развития в 1741-1917 гг. Тверь. [Kliment (Kapalin), mitropolit (2014), Pravoslaviye na Alyaske: retrospektiva razvitiya v 1741-1917 gg. Tver'.]
- Отношение (1865), Отношение и. д. товарища министра иностранных дел к обер-прокурору Св. Синода. Санкт-Петербург, 30 июня 1865 г. В: ИР НБУ. Ф. XIII. Д. 228. Л. 13-18об. [Otnosheniye (1865), Otnosheniye i. d. tovarishcha ministra inostrannykh del k ober-prokuroru Sv. Sinoda. Sankt-Peterburg, 30 iyunya 1865 g. In: IR NBU. F. XIII. D. 228. L. 13-18ob.]
- Кулыгин, В. В. (2009), Реализация принципа симфонии духовной и светской власти как фактор укрепления государственности на дальнем Востоке России в XIX в. В: По стопам графа Н. Н. Муравьева-Амурского и святителя Иннокентия (Вениаминова). Хабаровск, 34-46. [Kulygin, V. V. (2009), Realizatsiya printsipa simfonii dukhovnoy i svetskoy vlasti kak faktor ukrepleniya gosudarstvennosti na dal'nem Vostoke Rossii v XIX v. In: Po stopam grafa N. N. Murav'yeva-Amurskogo i sviyatitelya Innokentiya (Veniaminova). Khabarovsk, 34-46.]
- Лисовой, Н. Н. (2006), Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. Москва. [Lisovoy, N. N. (2006), Russkoye dukhovnoye i politicheskoye prisutstviye v Svyatoy Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX v. Moskva.]
- Лисовой, Н. Н. (2009), Люди Русской Палестины: деятели Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. В: Дмитриевский А. А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. Москва/Санкт-Петербург, 1-20. [Lisovoy, N. N. (2009), Lyudi Russkoy Palestiny: deyateli Russkoy Dukhovnoy Missii v Iyerusalime. In: Dmitriyevskiy A. A. Russkaya Dukhovnaya Missiya v Iyerusalime. Moskva/Sankt-Peterburg, 1-20.]
- Лисовой, Н. Н./Смирнова, И. Ю. (2009), Российская дипломатия и избрание Восточных Патриархов. В: Российская история. 1, 5-25. [Lisovoy, N. N./Smirnova, I. Yu. (2009), Rossiyskaya diplomatiya i izbraniye Vostochnykh Patriarkhov. In: Rossiyskaya istoriya. 1, 5-25.]
- Лисовой, Н. Н. (ред.) (2017), Россия в Святой Земле. Документы и материалы. II. Москва. [Lisovoy, N. N. (ed.) (2017), Rossiya v Svyatoy Zemle. Dokumenty i materialy. II. Moskva.]
- [НИКОЛАЙ (Касаткин), архимандрит] (1879), Япония и Россия. В: Древняя и новая Россия. 11, 218-238. [[Nikolay (Kasatkin), arkhimandrit] (1879), Yaponiya i Rossiya. In: Drevnyaya i novaya Rossiya. 11, 218-238.]
- [НИКОЛАЙ (Касаткин), епископ] (1880), Письмо к архимандриту Антонину (Капустину). Сингапур, 19 октября 1880 г. В: ИР НБУ. Ф. XIII. Ед. хр. 1626. [[Nikolay (Kasatkin), yepiskop] (1880), Pis'mo k arkhimandritu Antoninu (Kapustinu). Singapur, 19 oktyabrya 1880 g. In: IR NBU. F. XIII. Yed. khr. 1626.]
- НИКОЛАЙ (Касаткин), епископ (1890), Письмо к контр-адмиралу С. О. Макарову. Токио, 30 мая 1890 г. В: РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 84. [Nikolay (Kasatkin), yepiskop (1890), Pis'mo k kontr-admiralu S. O. Makarovu. Tokio, 30 maya 1890 g. In: RGA VMF. F. 17. Op. 1. D. 84.]

- НИКОЛАЙ Японский, святитель (2004), Дневники св. Николая Японского. I. Москва. [[Nikolay Yaponskiy, svyatitel'] (2004), Dnevniky sv. Nikolaya Yaponskogo. I. Moskva.]
- НИКОЛАЙ Японский, святитель (2018), Собрание трудов равноапостольного Николая Японского. II. Москва. [Nikolay Yaponskiy, svyatitel' (2018), Sobraniye trudov ravnoapostol'nogo Nikolaya Yaponskogo. II. Moskva.]
- СМАРАГД (Троицкий), архимандрит (1879), Письмо к архимандриту Антонину (Капустину). Константинополь, 24 августа 1879 г. В: ИР НБУ. Ф. XIII. Ед. хр. 1806. [Smaragd (Troitskiy), arkhimandrit (1879), Pis'mo k arkhimandritu Antoninu (Kapustinu). Konstantinopol', 24 avgusta 1879 g. In: IR NBU. F. XIII. Yed. khr. 1806.]
- СМИРНОВА, И. Ю. (2016), Церковно-дипломатический аспект русско-китайских отношений в середине XIX в. В: Власть и насилие в незападных обществах: проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения. Москва, 212-221. [Smirnova, I. Yu. (2016), Tserkovno-diplomaticheskiy aspekt russko-kitayskikh otnosheniy v seredine XIX v. In: Vlast' i nasiliye v nezapadnykh obshchestvakh: problemy teoreticheskogo osmysleniya i opyt prakticheskogo izucheniya. Moskva, 212-221.]
- СМИРНОВА, И. Ю. (2016), Между Западом и Востоком: из истории церковно-дипломатических отношений на Ближнем и Дальнем Востоке. Москва. [Smirnova, I. Yu. (2016), Mezhdru Zapadom i Vostokom: iz istorii tserkovno-diplomaticheskikh otnosheniy na Blizhnem i Dal'nem Vostoke. Moskva.]
- СМИРНОВА, И. Ю. (2017), «Да скажет Россия: надобно»: к истории православной миссии в Северо-Тихоокеанском регионе. В: Святитель Иннокентий (Вениаминов) и научно-просветительская деятельность православного духовенства в Сибири и на Дальнем Востоке в XIX – начале XX века. Иркутск, 18-33. [Smirnova, I. Yu. (2017), «Da skazhet Rossiya: nadobno»: k istorii pravoslavnoy missii v Severo-Tikhookeanskom regione. In: Svyatitel' Innokentiy (Veniaminov) i nauchno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' pravoslavnogo dukhovenstva v Sibiri i na Dal'nem Vostoke v XIX – nachale XX veka. Irkutsk, 18-33.]
- СМИРНОВА, И. Ю. (2018), Русские Духовные Миссии в Пекине и Иерусалиме: особенности реформирования после Крымской войны (1850-1860-е гг.). В: Православный Палестинский сборник. 115, 49-60. [Smirnova, I. Yu. (2018), Russkiye Dukhovnyye Missii v Pekine i Iyerusalime: osobennosti reformirovaniya posle Krymskoy voyny (1850-1860-ye gg.). In: Pravoslavnyy Palestinskiy sbornik. 115, 49-60.]
- ШИЛОВ, Е. В., священник (2018), Равноапостольный Николай Японский и Российская Духовная Миссия в Китае. В: Угрешский сборник. 7, 89-99. [Shilov, Ye. V., svyashchennik (2018), Ravnoapostol'nyy Nikolay Yaponskiy i Rossiyskaya Dukhovnaya Missiya v Kitaye. In: Ugreshskiy sbornik. 7, 89-99.]
- ШУБИНА, С. А. (2006), Русская Православная Миссия в Китае (XVIII – начало XX вв.) [диссертация]. Ярославль. [Shubina, S. A. (2006), Russkaya Pravoslavnaya Missiya v Kitaye (XVIII – nachalo XX vv.) [dissertatsiya]. Yaroslavl'.]
- ШУБИНА, С. А. (2010), Дипломатическая деятельность Российской духовной миссии в Китае (XVIII-XIX вв.). В: Ярославский педагогический вестник. 1, 189-193. [Shubina, S. A. (2010), Diplomaticheskaya deyatel'nost' Rossiyskoy dukhovnoy missii v Kitaye (XVIII-XIX vv.). In: Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. 1, 189-193.]
- ЯКУШЕВ, М. И. (2003), Иерусалимский Патриархат и святыни Палестины в фокусе внешней политики Российской Империи накануне Крымской войны. В: Православный Палестинский Сборник. 100, 245-287. [Yakushev, M. I. (2003), Iyerusalimskiy Patriarkhat i svyatyni Palestiny v fokuse vneshney politiki Rossiyskoy Imperii nakanune Krymskoy voyny. In: Pravoslavnyy Palestinskiy Sbornik. 100, 245-287.]
- VINKOVETSKY, I. (2011), Russian America: An Overseas Colony of a Continental Empire, 1804-1867. New York.
- VOVCHENKO, D. (2013), Creating Arab Nationalism? Russia and Greece in Ottoman Syria and Palestine (1840-1909). In: Middle Eastern Studies. 49/6, 901-918.

